

4. Уголовный кодекс Дании / пер. с датского и англ. С. С. Беляева, А. Н. Рычева. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2001. – 230 с.

5. Закон об уголовном праве Израиля / предисл., пер. с иврита М. Дорфман; науч. ред. Н. И. Мацнев. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. – 412 с., с. 168–169.

6. Уголовный кодекс Республики Корея / науч. ред. и предислов. А. И. Коробеева ; пер. с корейского В. В. Верхоляка. – СПб. : Юридический центр Пресс. – 240 с.

7. Григорянц, С. А. Анализ зарубежного уголовного законодательства в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывчатых устройств [Электронный ресурс] / С. А. Григорянц. – Режим доступа: http://www.journal-nio.cm/index.php?option=com_content&view=article&id=621&Itemid=98. – Дата доступа: 09.02.2016.

УДК 343.13

А. А. Насонов

A. A. Nasonov

Воронежский государственный университет (Россия)

**О СОСТОЯНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЗАЩИТЫ ЗАПРАШИВАЕМОГО К ВЫДАЧЕ ЛИЦА
И НЕОБХОДИМОСТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
В РАМКАХ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ON THE CONDITION OF LEGAL REGULATION
OF PROTECTION OF THE REQUESTED EXTRADITION
OF A PERSON AND THE NECESSITY OF ITS IMPROVEMENT
IN THE FRAMEWORK OF THE RUSSIAN CRIMINAL
PROCEDURE LEGISLATION**

Аннотация. В работе запрашиваемое к выдаче лицо рассматривается как один из носителей права на защиту в российском уголовном судопроизводстве. Автор анализирует современное состояние правового регулирования защиты лица, подлежащего выдаче. Выявляются недочеты такого регулирования, делается вывод о необходимости совершенствования национального законодательства с указанных позиций.

Summary. The paper requested the extradition request is considered as one of the bearers of the right to protection in the Russian criminal proceedings. The author analyzes the modern condition of legal regulation of protection of the person to be extradited. Identifies shortcomings of such regulation, the conclusion about the necessity of improving the national legislation with these positions.

Ключевые слова: выдача лица, уголовное преследование, международные договоры, право на защиту, защита лица, подлежащего выдаче, национальное законодательство, экстрадиция, основания возникновения права на защиту.

Keywords: extradition, criminal prosecution, international treaties, the right to the protection of a person subject to extradition national legislation, extradition, the grounds for the emergence of the right to protection.

Взаимодействие государств в вопросе выдачи лица для уголовного преследования должно осуществляться при неукоснительном соблюдении требований национальных и наднациональных институтов применительно к защитным механизмам, роль которых возрастает в процессе оказания международной правовой помощи. В связи с этим справедливо рассматривать связь последней с защитой прав и законных интересов граждан в качестве отличительного признака международной правовой помощи [1, с. 63–66.]. Несомненно, что обеспечение правозащитного фактора – одна из важнейших составляющих любого вида уголовно-процессуальной деятельности [2, с. 142]. Не является исключением в этой части и выдача лица для уголовного преследования.

Правда, осуществление на практике этого положения осложняется напряженностью между защитными и сотрудническими функциями выдачи как формы международной юридической помощи [3]. Речь идет о том, что, с одной стороны, необходимо бороться с международной преступностью, а с другой – безусловно соблюдать права выдаваемого лица. На это противоречие уже обращалось внимание в литературе [4]. Однако оно не может отменить порядка, при котором реализация права на защиту выдаваемого лица в виде процессуальной деятельности осуществляется параллельно с деятельностью по его выдаче для уголовного преследования. Иначе пришлось бы отказаться от гарантированных международными документами стандартов в области защиты прав, которые применительно к рассматриваемому вопросу сейчас обязаны соблюдать запрашивающее и запрашиваемое государства, и от целей, конкретизируемых назначением российского уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Кстати, то обстоятельство, что в рамках указанного назначения уживаются противоположные виды деятельности, существуя параллельно друг с другом (например, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, с одной стороны, и уголовное преследование, с другой), делает указанное противоречие нормой для российского уголовного процесса.

Нельзя сказать, что дела с реализацией права на защиту при выдаче лица для уголовного преследования на сегодняшний день обстоят хорошо. Подтверждением этому являются прежде всего многочисленные решения Европейского Суда по правам человека, в которых фиксируются всевозможные нарушения, допущенные Россией в этой области. Вопросы исполнения российскими властями постановлений Европейского Суда

о нарушениях прав лиц при решении вопроса об их выдаче по запросу иностранных государств для уголовного преследования являются предметом рассмотрения Комитета министров Совета Европы. В частности, на его заседании, проходившем в период с 4 по 6 марта 2014 года, была выражена обеспокоенность повторяющимся характером нарушений и неэффективностью расследования фактов похищений и принудительного перемещения с территории России лиц, в отношении которых заявлено ходатайство о выдаче [5; 6; 7]. Комитетом министров Совета Европы было выдвинуто предложение предоставить более подробную информацию о практической реализации существующего в России превентивного и защитного механизма в отношении лиц рассматриваемой категории [8, с. 30].

Эти и другие обстоятельства свидетельствуют об остроте проблемы совершенствования механизмов реализации в уголовном процессе России права на защиту лица при выдаче для уголовного преследования. Необходимость ее решения обусловлена соответствующими положениями международно-правовых документов и курсом на защиту личности от ограничения ее прав и свобод, провозглашенным российским уголовно-процессуальным законодательством (ч. 1 ст. 6 УПК РФ), а также складывающейся практикой Европейского суда по правам человека, Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Все это делает обозначенную проблему актуальной для науки, законодательства и правоприменительной практики.

Запрашиваемые к выдаче для уголовного преследования лица представлены двумя группами лиц: запрашиваемыми Российской Федерацией лицами и запрашиваемыми иностранным государством лицами. Данная классификация определяется субъектами, обращающимися с запросами о выдаче и местом нахождения лица, в отношении которого такой запрос поступает. Есть и правовое основание для такой классификации: это нормы ст. 460 и 462 УПК РФ. В первой из них затрагиваются лица, запрашиваемые к выдаче Российской Федерацией и находящиеся на территории иностранного государства, а во второй – лица, запрашиваемые к выдаче иностранным государством и находящиеся на территории Российской Федерации.

Указанные лица, как первые, так и вторые, вместе с запрашиваемыми для исполнения приговора лицами образуют более общее понятие – «запрашиваемые к выдаче лица». Запрашиваемое лицо, в отношении которого компетентным должностным лицом принято решение о выдаче его другому государству, следует считать выдаваемым лицом.

Запрашиваемые для уголовного преследования лица приобретают определенный статус, включаясь в орбиту уголовно-процессуальных от-

ношений, а значит, они пользуются в уголовном судопроизводстве правом на защиту. Причем такое положение характерно как для находящихся на территории иностранного государства лиц, так и для тех, кто находится на территории России. В первом случае обеспечение права на защиту лица будет в основном регламентироваться нормами, содержащимися в законах иностранного государства, получившего запрос о выдаче, а во втором – нормами российского уголовно-процессуального права. Однако в обоих случаях общим будет регулирование данного вопроса международно-правовыми актами.

Надо отметить, что право на защиту принадлежит в уголовном судопроизводстве не только обвиняемым и подозреваемым. Во-первых, международно-правовые документы, на что уже ранее обращалось внимание в литературе, ориентируют на то, что не только конкретные участники уголовного судопроизводства, но и любое другое лицо, независимо от его процессуального статуса, имеет право на оказание квалифицированной юридической помощи в целях обеспечения защиты нарушенных прав и законных интересов [9, с. 44]. Среди них, например, стоит назвать Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (ст. 13), целью которой, как указывается в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 21 от 27 июня 2013 г. «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней», являются эффективное признание и защита нарушенных прав и свобод человека. О предоставлении юридической помощи тем, кто в ней нуждается, и создании возможности для эффективной защиты их прав в системе уголовного правосудия говорится и в Бангкокской декларации «Взаимодействие и ответные меры: стратегические союзы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, принятой на 11-м Конгрессе ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию 18–25 апреля 2005 г. (п. 18).

Во-вторых, анализ российских уголовно-процессуальных норм, предусматривающих права иных участников уголовного судопроизводства, не наделенных властными полномочиями (например, потерпевшего, гражданского ответчика и др.), а также возможности лиц без определенного процессуального статуса (например, лица, в помещении которого производится обыск), наконец, анализ ст. 6 УПК РФ, ориентирующей уголовное судопроизводство не только на защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, но и на ее защиту от незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод, и видящей назначение уголовного судопроизводства в том числе и в защите прав и законных инте-

ресов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, позволяет говорить о праве на защиту всех лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Идея о широком круге субъектов права на защиту, включающем не только подозреваемого и обвиняемого, в том или ином виде прослеживается в работе ряда авторов, занимающихся рассматриваемой проблемой [10; 11, с. 54–55; 12; 13, с. 17]. Полагаем, что данная позиция заслуживает безусловной поддержки. Действительно, право на защиту применимо ко всем лицам, вовлекаемым в орбиту уголовно-процессуальных отношений, в том числе и к лицам, которых касается процедура выдачи его другому государству для уголовного преследования [14, с. 188].

Нельзя не согласиться с оценкой права на защиту как составной частью прав личности, гарантией всех других ее процессуальных прав, как правового явления, создающего возможность участникам уголовного судопроизводства влиять на ход и исход уголовного процесса, служащего охране прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также иных лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность, способствующего успешной реализации назначения уголовного судопроизводства и включающего в себя не только процессуальные права, предоставленные законом данным лицам, и используемые им лично для эффективной защиты, но и процессуальные полномочия адвоката указанных лиц, выступающего в той или иной процессуальной роли (например, защитника, представителя потерпевшего и др.), и законного представителя несовершеннолетнего, использующих эти полномочия для защиты этих лиц [15, с. 36–37].

Право на защиту лица, выдача которого запрашивается, представляет собой отвечающую назначению уголовного судопроизводства совокупность предусмотренных законом возможностей указанного лица, предоставленных ему для эффективной защиты от экстрадиции. Такие возможности направлены на использование лицом, выдача которого запрашивается, и субъектами, его защищающими (защитником, законным представителем), всех не запрещенных законом способов для отстаивания своих интересов в ходе применения в отношении него процедуры выдачи, предполагающей выполнение определенной системы действий, в том числе розыск, задержание, заключение под стражу, передачу лица иностранному государству.

Основания возникновения права на защиту при выдаче лица для уголовного преследования делятся на две группы. Первая группа оснований является необходимой для возникновения права на защиту не только для запрашиваемого для уголовного преследования лица, но и для всех лиц, вовлекаемых в орбиту уголовно-процессуальной деятельности. Это позволяет назвать такие основания общими. К ним относятся нормы права, пра-

воспособность и дееспособность субъекта. Среди норм права в рассматриваемом ракурсе следует выделить фундаментальные положения, закрепленные как в национальном (ст. 45, 48 Конституции РФ, ст. 16 УПК РФ), так и в международном законодательстве (например, ст. 7, 11 Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., ст. 6,13 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1951 г.). Применительно к лицам, выдача которых запрашивается, указанные общие нормы следует дополнить положениями, содержащимися в международных нормативных актах, посвященных международному сотрудничеству по оказанию правовой помощи, включая выдачу лица для привлечения его к уголовной ответственности (например, в ч. 1 ст. 1 Минской конвенции 1993 г.). Учет в сфере уголовного судопроизводства международных документов наряду с национальными актами особенно важен для институтов, нормы которых регулируют вопросы международного сотрудничества, в том числе и выдачу лиц для привлечения их к уголовной ответственности лица.

Это связано со следующими обстоятельствами. Во-первых, данные вопросы затрагивают не только интересы одного российского государства, но и интересы других государств. Во-вторых, в национальном законодательстве отсутствует надлежащая детальность в правовой регламентации взаимодействия российских государственных органов и должностных лиц с соответствующими органами и лицами иностранных государств и международных организаций по ряду вопросов. Это неминуемо требует применения в указанных вопросах международных нормативных актов.

Вторая группа оснований возникновения права на защиту при выдаче лица для уголовного преследования представлена юридическими фактами, установление которых характерно только для производства такой выдачи. Такие основания можно назвать специфическими. К ним относится один из следующих двух вариантов фактического состава: 1) факт направления запрашивающим государством запрашиваемому государству запроса о выдаче лица (ст. 12 Конвенции о выдаче 1957 г., ч. 1 ст. 460, ч. 1 ст. 462 УПК РФ) и факт получения указанного документа запрашиваемым государством; 2) факт сообщения одним государством другому государству просьбы, предшествующей направлению запроса (например, просьбы о временном задержании разыскиваемого лица, когда поручение запрашивающей стороной о выдаче еще не направлено, но она предполагает это сделать (ст. 16 Минской конвенции 1993 г.), и факт получения такой просьбы запрашиваемой стороной.

Различие в указанных основаниях заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев для возникновения права на защиту при вы-

даче лица для уголовного преследования необходим запрос о выдаче этого лица, и лишь в случае, не терпящем отлагательства, – просьба о временном задержании разыскиваемого лица. Таким образом, юридические факты, охватываемые первым вариантом юридического состава, относятся к общим условиям возникновения права на защиту при выдаче лица для уголовного преследования, а юридические факты, принадлежащие ко второму юридическому составу, – к исключительным условиям возникновения такого права. Однако независимо от того, какой из приведенных выше вариантов юридического состава является основанием возникновения права на защиту, всегда в совокупности должны быть два факта: как факт передачи запроса о выдаче лица, так и факт получения соответствующей просьбы.

Необходимо сказать, что указанные основания одновременно являются и основаниями для возникновения правоотношений по экстрадиционной проверке.

Право на защиту принадлежит лицу, выдача которого запрашивается, на всех стадиях процесса выдачи. Отсюда можно заключить, что это право является комплексным и включает право указанного лица на защиту при применении к нему мер процессуального принуждения, право на защиту при принятии решения о выдаче лица, его процессуальном оформлении и обжаловании, возможности эффективной защиты выдаваемого лица при его передаче.

Нельзя не заметить еще одну особенность права на защиту лица, выдача которого запрашивается, отличающую ее от соответствующего права традиционных подозреваемых и обвиняемых. Она связана с его нормативным закреплением.

Действующий УПК более подробно регламентировал выдачу лица для уголовного преследования в УПК РФ по сравнению с УПК РСФСР, в котором на этот счет содержалась лишь одна статья, и то отсылающая по всем вопросам сотрудничества к законодательству Союза ССР, РСФСР, международным договорам, заключенными СССР и РСФСР с соответствующими государствами, – это статья 32 «Порядок сношения судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими учреждениями иностранных государств». Однако, несмотря на это, права лица, в отношении которого поступил запрос о выдаче, четко в УПК РФ не прописаны, что вызывает зачастую споры по ряду вопросов выдачи, и как следствие, обжалование действий государственных органов и должностных лиц, задействованных в процедурах выдачи. Более того в отличие от уголовно-процессуального законодательства некоторых других государств (например, Республики Беларусь), УПК РФ напрямую не говорит

ни о защите лиц, в отношении которых поступил запрос о выдаче, ни о их праве на защиту. Лишь в ст. 463 УПК РФ упоминается об участии защитника в обжаловании решения о выдаче лица и судебной проверке его законности и обоснованности.

Между тем УПК других государств затрагивают не только вопросы участия, но и в той или иной степени уделяют внимание обеспечению прав и интересов таких лиц, их защите и праву на нее. Достаточно обратиться, например, к п. 9 ст. 6 УПК Республики Беларусь, содержащей дефиницию защиты, под которой понимается, в том числе и процессуальная деятельность, осуществляемая стороной защиты в целях обеспечения прав и интересов лица, задержанного либо к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства, компетентного принимать решения по вопросам оказания международной правовой помощи по уголовным делам, об оказании международной правовой помощи по уголовному делу на основе принципа взаимности либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи. Кроме того, как основание для вынесения судьей постановления об освобождении задержанного, отмене меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и освобождении его из-под стражи, домашнего ареста, произведенных на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением лица в международном розыске с целью выдачи, является нарушение его права на защиту (ч. 2 ст. 518 УПК Республики Беларусь).

Данные нормы удачно согласуются с соответствующими положениями подписанной 7 октября 2002 г. в г. Кишиневе государствами – участниками СНГ Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, ратифицированной Республикой Беларусь, а именно со ст. 76 «Обеспечение права на защиту», рассчитанной на выдаваемое лицо и предусматривающей право на защиту лиц, взятых под стражу (задержанных) на территории каждой из договаривающихся сторон в соответствии с их законодательством. К сожалению, Россия, будучи инициатором и основным разработчиком Кишиневской конвенции (2002), до сих пор ее не ратифицировала. В результате этого в отношениях между Российской Федерацией и другими участниками этой Конвенции продолжает применяться Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. Однако Минская конвенция (1993 г.) не отличается таким пристальным вниманием к праву на защиту выдаваемого лица и его обеспечению. В ней не только нет отдельной статьи, посвященной данному вопросу, но и само слово «защита» в тексте данного документа

используется единожды в ч. 1 ст. 1, предоставляющей гражданам каждой из договаривающихся сторон, а также лицам, проживающим на ее территории, возможность пользоваться на территориях всех других договаривающихся сторон в отношении своих личных и имущественных прав такой же правовой защитой, какой пользуются собственные граждане данной договаривающейся стороны. Не намного чаще к категории «защита» содержится обращение в тексте Типового договора о выдаче, принятого резолюцией 45/116 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 года и регулирующего международное сотрудничество Российской Федерации. Применительно к лицу, в отношении которого поступает просьба о выдаче, она используется в регламентации одного из обстоятельств, исключających выдачу (п. g ч. 1 ст. 3 «Императивные основания для отказа»), и одного из видов документов, представляемых в обоснование просьбы о выдаче (п. d ч. 2 ст. 5 «Каналы связи и необходимые документы»).

Что же касается Европейской Конвенции о выдаче ETS № 024 от 13 декабря 1957 г., ратифицированной Российской Федерацией, то в ней вообще отсутствует термин «защита». Полагаем, что отсутствие в приведенных выше ратифицированных Российской Федерацией международно-правовых документах должного внимания к правовому регулированию защиты лица, подлежащего выдаче, и его праву на нее, благоприятствует чрезмерной содержательной скромности норм уголовно-процессуального права России в относительной регламентации возможностей запрашиваемого для уголовного преследования лица и условий их реализации. Вне всяких сомнений, нехватка в российском уголовно-процессуальном законодательстве надлежащих указаний по этим вопросам не лучшим образом сказывается на реализации права на защиту лица, выдача которого запрашивается, снижая его эффективность.

Библиографический список

1. Цветкова, Е. Е. Международная правовая помощь как форма сотрудничества государств / Е. Е. Цветкова // Юридический журнал. – 2008. – № 1. – С. 63–66.
2. Насонова, И. А. Процессуальный порядок окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения : монография / И. А. Насонова, Ю. В. Буров ; под ред. О. А. Зайцева. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 232 с.
3. Нестеренко, С. С. Механизм защиты прав человека в международном экстрадиционном праве [Электронный ресурс] / С. С. Нестеренко. – Режим доступа : <https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Fintl.walmanac.net%2Fv1%2F10.pdf&name=10.pdf&c=561174ffa90d&page=1>. – Дата доступа: 04.10.2015.
4. Зелинская, Н. А. Международные преступления и международная преступность : монография / Н. А. Зелинская. – Одесса : Юридическая литература, 2006. – 400 с.

5. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Касымаханов против России» (жалоба № 29604/12) [Электронный ресурс] [вступило в силу 24 марта 2014 г.]. – Режим доступа: http://files.sudrf.ru/994/user/ESPCH_Kasimahunov_Latipov.pdf. – Дата доступа: 7.01.2016.

6. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Эрмаков против России» (жалоба № 43165/10) [Электронный ресурс] [вступило в силу 24 марта 2014 г.]. – Режим доступа: http://files.sudrf.ru/994/user/ESPCH_Kasimahunov_Latipov.pdf. – Дата обращения: 7.01.2016.

7. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Низомхон Джураев против России» (жалоба № 31890/11) [Электронный ресурс] [вступило в силу 20 января 2014 г.]. – Режим доступа http://files.sudrf.ru/994/user/ESPCH_Kasimahunov_Latipov.pdf. – Дата доступа: 7.01.2016.

8. Кононов, А. Организация взаимодействия МВД России с Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека / А. Кононов // Профессионал. – 2015. – № 2. – С. 28–31.

9. Татьяна, Д. В. Международные принципы в российском уголовном судопроизводстве : учеб. пособие / Д. В. Татьяна ; под ред. Т. В. Решетневой. – Ижевск : Jusest, 2014.

10. Беседин, А. В. Защита в стадии исполнения приговора : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. В. Беседин. – Саратов, 1995. – 187 с.

11. Михеенко, М. М. Обеспечение участвующим в деле лицам права на защиту их законных интересов как принцип советского уголовного процесса / М. М. Михеенко // Проблемы правового статуса личности в уголовном процессе. – Саратов, 1981. – С. 54–55.

12. Насонова, И. А. О значении защиты прав участников уголовного процесса и проблемах преподавания учебного курса «Обеспечение прав личности в уголовном процессе» / И. А. Насонова // Итоги работы Воронежского института МВД России в 1 семестре 2008–2009 учебного года и задачи по внедрению блочно-модульной технологии обучения : материалы учеб.-метод. сбора руководящего, профессорско-преподавательского и начальствующего состава. – 2009. – С. 112–115.

13. Смирнов, А. В. Уголовный процесс / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. – СПб., 2004. – 697 с.

14. Бирюков, П. Н. Российское законодательство о выдаче преступников: проблемы и перспективы / П. Н. Бирюков // Московский журнал международного права. – 2000. – № 4. – С. 186–193.

15. Насонова, И. А. Теоретическая модель уголовно-процессуальной защиты : монография / И. А. Насонова ; под ред. О. А. Зайцева. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 400 с.